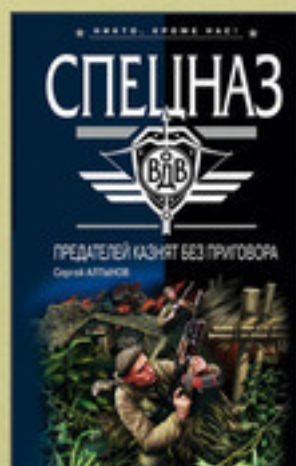


Сергей Алтынов

Давай постреляем?



*Часть сборника
Предателей казнят без
приговора (сборник)*



Сергей Алтынов

Давай постреляем?

«ЭКСМО»

Алтынов С. Е.

Давай постреляем? / С. Е. Алтынов — «Эксмо»,

«Два выстрела слились в один, и оба стрелка синхронно рухнули на землю. Точнее, один зарылся лицом в посеревшую некошеную траву, а второй грудью упал на камни. «Они оба оказались прекрасными стрелками», – цинично подумала я. Ружье стрелка, который лежал в некошенной траве, отлетело метра на полтора и лежало теперь на протоптанной тропинке. В паре шагов от моих сапог...»

© Алтынов С. Е.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
1	8
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Алтынов

Давай постреляем?

Пролог

Два выстрела слились в один, и оба стрелка синхронно рухнули на землю. Точнее, один зарылся лицом в посеревшую некошеную траву, а второй грудью упал на камни. «Они оба оказались прекрасными стрелками», – цинично подумала я. Ружье стрелка, который лежал в некошенной траве, отлетело метра на полтора и лежало теперь на протоптанной тропинке. В паре шагов от моих сапог. Я подняла ружье и задала довольно-таки дурацкий вопрос:

– Давай постреляем?

Вопрос был вдвойне дурацкий, так как задала я его самой себе. Других персонажей, способных к ответу на него, рядом не было. Пришлось самой же и отвечать:

– Не хочется...

– А чего хочется? – спросила себя я, втягиваясь в совершенно идиотскую беседу с самой собой.

– Улететь.

– Давай улетим?

Не проходит и часа, как я лечу. Лечу в самолете международной авиакомпании, лечу домой. Ружья в моих руках нет, есть только мысли о нем. Впрочем, воспоминания ли? Дело в том, что того, что я только что столь живописно описала, пока еще не случилось. Этим объясняется мой некоторый описательный цинизм. Не произошло, не случилось... И я приложу все усилия, чтобы этого не случилось никогда. Поэтому прямо из аэропорта я еду в офис к одному человеку. Умному, многое знающему и умеющему.

Он был похож на бога... Нет, скорее на придурка в плаще и круглых очках. Бога я ни разу не видела, а вот очкастых придурков в плащах повидала предостаточно.

– Вы актриса Расма Реэкстыня? – начал разговор он.

– Да, – с наивным видом, как-то по-детски кивнула я.

– Я слушаю вас, – его речь звучала с небольшим акцентом, мягко и вкрадчиво. Ему подошла бы роль священника, пастора.

– Как мне вас называть? – спросила я.

– Называйте меня пан Ветр.

– Пан Ветр... – повторила я. – Хорошо. Я расскажу вам... Мне постоянно снятся две девочки. Две маленькие девочки, им лет по пять, может быть, по шесть, не больше. Они стоят и смотрят на меня... И у них мое лицо.

– Первый аборт вы сделали в двадцать лет... – произнес пан Ветр, не дав мне перевести дух. – На третьем курсе театрального училища.

– Да, но... – начала было я.

– Второй аборт был спустя десять лет, вы тогда снимались в главной роли на Ленинградской студии, – продолжил он тем же мягким, вкрадчивым голосом. И, не меняя его, задал вопрос: – У вас есть пистолет?

– Да, – я вновь кивнула.

– Для чего? – спросил пан Ветр.

– Я... В общем, мне страшно, я не могу взять веревку. А с высоты... я тоже не смогу. С пистолетом же это быстро... И легко.

– Да, но только не с вашим. Ваш пистолет плох, он для спортивной стрельбы. А с веревкой уж точно не стоит. Вы будете ужасно выглядеть – язык вывалится изо рта, а перед смертью вы, извините, обмочитесь. Ваши родственники будут зажимать нос, вынимая вас из петли.

Мне неожиданно стало смешно, я с трудом сдержала идиотский смех. Пан Ветр заметил это.

– Учтите, если вы убьете себя, вместе с вами умрут и эти две девочки, – сказал он уже другим голосом.

– Но ведь я уже... Убила их! – произнесла я и почувствовала, что мои глаза непривычно сухи.

– Это не так... Они ведь приходят к вам! – и он, выдержав паузу, добавил чуть мягче: – Ко мне вот никто не приходит...

Я не нашлась с ответом. Кажется, пан Ветр сумасшедший. Во всяком случае, у него железная логика сумасшедшего. Он молчал вместе со мной.

– Скажите что-нибудь, – попросила я. Самой говорить было нечего, пауза затянулась и превратилась в пугающе жуткую пустоту.

Он заговорил голосом детского доктора. Это была уже третья его маска, после пастора и судебного эксперта.

– В первую очередь, верните пистолет своей сестре-спортсменке... Вам надо отвлечься, забыться... Миллионы женщин во всем мире делают аборты. Кстати, почему вы пошли в православный храм?

– Я их не различаю... Простите, я, наверное, очень глупая, но мне все равно какая церковь!

– Православный священник выгнал вас?

– Да... Нет, он был очень вежлив, но попросил меня впредь не переступать порога храма и отправил в костел. А я... Даже не знаю, где он находится. А храм был на соседней улице.

Пан Ветр не смог сдержать усмешки.

– Это смешно? – спросила я.

– Нет... Просто вы очаровательны. Вот что я скажу: вам необходимо пройти по местам своего детства. Любимым местам, где вы смотрели на небо, деревья. И ждали... Обычно в детстве ждут чуда... Сделайте это. Прямо сегодня, сейчас...

Я не спросила его «зачем?», так как он был прав... Мы не понимаем и не хотим понимать сумасшедшего, мы не всегда способны, но всегда хотим понять Бога. И, как мне кажется, иногда путаем одного с другим.

Я вышла из такси. Первое место детства. Река с родниково-прозрачной водой. Тогда, лет тридцать пять назад, она мне казалась огромной, почти морем... Сейчас река кажется мне большим ручьем. Я подхожу к полусгнившему мостику, сажусь на песок. Он мокрый, пачкает брюки, но я не тороплюсь подниматься.

И тут я слышу голос. Тонкий детский голос. Голос девочки лет шести:

– Давай улетим?

Она спрашивает меня. А я качаю головой.

– Давай улетим! – повторяет она, уже не спрашивая, а призывая.

– Зачем? – спрашивает другой голос.

Тоже детский, он принадлежит мальчику чуть постарше.

Девочка молчит, ей нечего сказать в ответ. Мне тоже... Да и некому отвечать. Девочка по имени Расма и мальчик по имени Эдгар сидели на мостике, свесив ноги, больше тридцати лет назад. Сегодня их нет, а есть двое взрослых, довольно-таки сволочных персонажей.

И лететь им некуда.

Тем не менее вечером я улетаю.

На сей раз в Россию. На съемки.

Где-то далеко, за много сотен километров от меня по горному шоссе движется автоколонна армейских грузовиков. В головной машине сидит старший – худощавый парень с седыми волосами. Седина совсем не старит его, а прическа несколько длинней, чем положено армейским уставом. На коленях у парня автомат. Рядом шофер, совсем пацан, похожий на бритого наголо восьмиклассника. Неожиданно впереди машины раздается треск, по глазам бьет яркая вспышка. На водителя-«восьмиклассника» и седого командира летят стекла. Водитель вскрикивает, автоматная очередь задела его в плечо. Командир валит его на пол кабины, сам перехватывает руль, ухитряется вывести машину на обочину, заглушить двигатель.

– Лежи и башку не поднимай, – командует «восьмикласснику» седой, и сам выскакивает из кабины с автоматом на изготовку.

Успевает заметить, что замыкающая машина горит. Солдаты пытаются отстреливаться, выскакивают из кабин, но боевики, организовавшие засаду, подготовлены куда лучше. Бой длится не более десяти минут...

Спустя минут двадцать пылающую автоколонну замечает вертолетчик, пролетающий над шоссе. На свой страх и риск он сажает вертолет, по счастью, на борту несколько десантников-спецназовцев и военный фельдшер. Боевиков уже и след простыл. Грузовики догорают. Фельдшер осматривает тела погибших бойцов, тщетно пытаясь отыскать раненых.

– Это же Валерка! – вскрикивает один из спецназовцев, остановившись у тела седого командира. – Валерка-музыкант из сорок пятого полка.

– Он жив, – пощупав пульс, произносит фельдшер. – Быстро в вертолет!

Через пару минут в вертолет загружают еще одного выжившего раненого, водителя-«восьмиклассника». Он потерял много крови, фельдшер лишь морщится и качает головой.

– Доведем? – спрашивает один из десантников, когда вертолет взмывает в воздух.

– Идиотский вопрос, – зло отвечает фельдшер. – Господу Богу такие вопросы задавай!

– Руку здорово разворотило, – произносит другой десантник, кивая в сторону седого. – Как он теперь играть будет?

– Жив будет – сыграет, – машет рукой фельдшер. – Пальцы-то целы! Чего ему в оркестре не сиделось?

Десантники молчат. Они слишком хорошо знают почему. Знают, что фельдшер прав. Выживет Валерка, сыграет...

Ничего этого я пока что не знаю.

Часть первая

1

– Вам правда сорок лет? У вас потрясающая фигура! Можете играть семнадцатилетнюю обольстительницу...

Режиссер Грунцев на придурка не похож. Он им является... Даже не то чтобы придурком, скорее эдаким Сатиром во плоти. Он все время носит большие широконосые ботинки на толстой подошве. Неужели он прячет в них копыта?

– Идите в задницу, – говорю ему я, глядя в сторону.

Сатир умолкает. «Если в твою, дорогая Расма, то с удовольствием!» – мысленно произносит он.

– Давайте продолжим работу, – скучным голосом говорит мне Сатир.

И мы продолжаем.

– Вам хорошо, вы испытываете просто-таки райское наслаждение! – уже в который раз заводит он свою сатинову песнь.

– Адское, – одарив-таки режиссера взглядом, вношу я свою лепту в трактовку образа.

– Хорошо... Пусть адское! – соглашается Сатир. – Но наслаждение.

Растягиваю физиономию в улыбку, зажигаю бенгальскими огоньками глаза. Работа есть работа. Мне надо есть, мне надо пить. Кроме профессиональной демонстрации своей физиономии и задницы, я мало что умею.

– Пожалуйста, вот так! Вас снимают в полный рост... Вот-вот.

Я дергаю шеей, выгибаю спину. Я играю пантеру Багиру, кого-то успешно поймавшую и потому хорошо позавтракавшую.

– Да, да, очень хорошо! – кивает режиссер.

Оператор кивает в свою очередь, за ним остальные, последним кивает парень из продюсерской команды. Все хорошо, еще часа три этой дури, и я получу свои полторы тысячи у.е. за съемочный день. Это не кино, это реклама. И я даже не знаю, что рекламирую, должно быть, что-то «сатирское». Надо хоть для приличия поинтересоваться.

– Послушайте, отчего я здесь получаю наслаждение? – спрашиваю я девушку-ассистента.

– Вы разве не знаете? – та удивленно вскидывает бровки.

Она смущенно удаляется к реквизитора. Вернувшись, робко протягивает мне...

– Вообще-то он хотел, – девушка заговорила полупшепотом, – чтобы вы обмотались ЭТИМ. Ну вокруг себя.

– Что это? – во мне борются друг с другом хохот и русский мат-перемат.

– Это... А вы сами не видите?! Туалетная бумага! – весьма вовремя вставляет свое режиссерское слово Сатир.

Договор подписан, полторы тысячи у.е. ждут меня, а я их еще больше. Отступить некуда. Не «сатирское», а «сортирское».

– Ваша задача – счастливое лицо! – в который раз повторяет режиссер.

Лицо будет счастливым, шея будет выгибаться, как у пантеры. Затем будет произведен монтаж.

Чужие девичьи руки разматывают этот рулончик, затем отрывают. Крупным планом юные девичьи руки, не мои. А до этого белоснежный, просто-таки слепящий белизной унитаз. Ну а в финале счастливая физиономия заслуженной артистки из Прибалтики.

– Я буду счастлива, если вы мне окажете небольшую услугу, – говорю я Сатиру.

Бенгальский огонь еще только зажигается, а улыбка лишь в уголках губ.

– Да, я готов, – кивает тот.

Я беру из рук девушки рулончик, разматываю длинную мягкую ленту и быстрым движением, точно удавку, набрасываю ее на шею Сатира. Делаю это так быстро, что тот успевает лишь вздрогнуть.

– Истинное наслаждение мне доставит видеть вас в этом шарфе, – поясняю я. – Весь съемочный день.

Сатир не ропщет. Он тоже что-то подписал и тоже хочет у.е. Свита деликатно молчит. Всех ждет у.е. Звучит команда: «Приготовились!», затем: «Мотор».

Вечером я получаю-таки свои вожаделенные полторы тысячи у.е., а Сатир избавляется от повязанного мною шарфа.

Возвращаюсь в гостиницу, по дороге покупаю мороженое. Дешевое, розового цвета. Через пару шагов отдаю его дворняге с янтарными глазами. Та съедает его, пару раз в знак благодарности машет мне хвостом. Ночью не сплю – поезд уходит ранним утром. Что-то читаю... Мобильный телефон звонит неожиданно, около трех ночи. Тема из фильма «Восемь с половиной» возвращает меня к реальности. А в телефоне звучит голос пана Ветра:

– Расма? Вы не забыли, что вас ждут на Празднике льда? Не задерживайтесь!

– Да... – киваю я. – А почему вы решили мне об этом напомнить?

– Вы поймете... Потом. Главное, не задерживайтесь на вокзале. Берите первую попутную машину и отправляйтесь в деревню.

Да-да, конечно. Не задержусь. Пан Ветр все знает и все предвидит. Как хорошо, когда рядом есть такой человек. С ним меня познакомил бывший директор нашей республиканской киностудии. «Он не психоаналитик и даже не экстрасенс! Он нечто большее, ты сама в этом убедишься», – так был отрекомендован мне пан Ветр.

На вокзале я не задержалась. Остановила первую попутную машину и...

Пан Ветр и в самом деле оказался «нечто большее».

2

Праздник немыслим без аккордеона! Особенно, если это Праздник тающего льда, Праздник весны в нашей деревне! И играет на аккордеоне всегда большой такой дяденька с огромными ручищами и не менее впечатляющими усами. Причем это не один и тот же музыкант, а почти всегда другой – специально приглашенный из города, так как своего аккордеониста у нас не было. В детстве меня пытались выучить игре на аккордеоне, но... Разве похожа маленькая беленькая девочка на большого усатого дядю?! В итоге с помощью старшей сестры я овладела гитарой, а с помощью дальнего маминого родственника я получила сносные уроки игры на флейте. Итак, большой усатый дядя играет на аккордеоне, а маленькая беленькая девочка – на флейте.

Но на сегодняшнем празднике я без флейты, маленькой девочкой меня назвать трудно, а в прическе рано появились седые пряди. Я стараюсь незаметно пристроиться в четвертом ряду с краю, рядом со старшей сестрой Ингой. Однако руководитель оркестра дядя Томас все-таки углядел меня. Вот он делает взмах рукой – аккордеонист в последний раз выводит очередное музыкальное кружево, переходящее в код, и оркестр замолкает.

– Расма! – громко окликает меня бородатый Томас. – Просим! – Он делает рукой приглашающий жест рядом с собой, впереди оркестра, и начинает негромко, но выразительно хлопать в ладоши.

Слушатели-зрители начинают оборачиваться или вытягивать шеи в мою сторону. Эх, дядюшка Томас! Я так хотела просто посидеть хотя бы минут двадцать рядом с Ингой. Послушать оркестр... Не дал! Поэтому ничего другого не остается, как быстренько подняться с места и двигать на эстраду, сколоченную из крепких, покрытых лаком осиновых досок. Улыбаюсь, кланяюсь. Пытаюсь что-то произнести, но мой голос тонет в аплодисментах и воплях поддержки. Томас протягивает мне акустическую гитару, позаимствованную у ритм-гитариста. Что же, петь все-таки придется! Ну ничего, дорогие соотечественники... У меня припасен для вас сюрприз, сегодня я вас удивлю по-настоящему. Посмотрю, какие у вас будут физиономии. Такие же наверное, как у меня два часа назад. Но сначала песня! Моя песня!

– Праздник Льда! – взяв первый аккорд, выкрикнула я, перекричав-таки не на шутку разошедшихся сельчан. Впрочем, это им простительно: целых четыре года они встречали весну без меня, с одним оркестром дяди Томаса.

«Наступает весна! Лед тает и стекает ручейками в реки и озера! Так же и вся жизнь наша – сегодня мы тверды, несокрушимы, завтра превращаемся в воду и течем, течем, превращаясь в большие озера, реки и моря, сливаясь с другими ручейками. Потом опять приходит зима, и мы вновь тверды и холодны...» Таково содержание этой бесхитростной песенки, которую я сочинила двадцать лет назад, за три дня до своего совершеннолетия. Все привыкли к ней и уже считают народной. Оркестранты без труда подыгрывают мне – песенка бесхитростная, состоящая из четырех аккордов.

Уф, ну вот и все! Лед растаял, ручейки утекли – теперь жди зимы. Я перевожу дух и откидываю сбившиеся на лоб волосы.

– А теперь... – произношу я и делаю паузу. Публика должна замолкнуть, сосредоточиться. – Внимание! Сейчас я хочу пригласить сюда гостя нашего праздника! А он, в свою очередь, подарит нам свои песни, свою музыку.

Сельчане притихли. Они-то надеялись, что Расма, их Расма будет петь для них до самого рассвета. А тут какой-то гость...

Он возник рядом со мною быстро, так как сидел в первом ряду. Сейчас все рассматривают его. Парень моложе меня, среднего роста и худощавый. Однако волосы почти совсем

седые. Он сдержанно поклонился, ничего не произнес, взял у меня из рук гитару. Немного подкрутил колок третьей струны. А затем взял первый аккорд, и его сильные длинные пальцы быстро двинулись по грифу, словно исполняя на нем зажигательный, подвижный танец. Гитарой он владел куда лучше меня – одновременно ухитрился сыграть и ритм, и мелодию. А потом он запел. Сильным мужским голосом, аккуратно проговаривая каждую фразу. Песня была... Как сказать, обычные, простые, даже банальные слова, однако парень пел их так, точно это была главная, решающая песня его жизни. А я стояла чуть поодаль и смотрела на односельчан. Те слушали затаенно, не перешептываясь. «Вот так-то!» – мысленно усмехнулась я. Песня закончилась. Парень опустил гитару и смущенно улыбнулся, точно отдавая себя на суд слушателей. Поначалу стояла тишина, потом послышались одинокие робкие хлопки, а затем настоящая буря – шквал аплодисментов. Находящиеся в задних рядах кричали «браво», передние хором, не сговариваясь, вопрошали, как зовут такого неожиданного гостя. Парень немного смутился, отступил ко мне и бросил на меня беспомощный взгляд – он не мог понять адресованного ему вопроса.

– Вальтер! – ответила за него я. – Нашего гостя зовут Вальтер!

Это было первое имя, пришедшее мне на ум.

– Вальтер! Валь-тер! – стали скандировать сельчане.

Неблагодарное дело – пересказывать словами музыку! О чем была следующая песня? Разве это так важно, о чем слова?! Главное, что пел этот парень ее точно так же, как самую важную, самую заветную... Потом была третья, четвертая... Оркестр дяди Томаса начал осторожно подыгрывать. Это было не так просто – мелодия у этих песен куда сложнее, чем у меня. Однако у Томаса были превосходные музыканты – они играли негромко, создавая ритмический фон. Даже усатый великан-аккордеонист лишь осторожно, едва-едва касался клавиш, безропотно уступая первенство седому певцу.

Он пел долго. Луна уже давно взошла и светила полным белым диском. Наконец, видя, что оркестранты-аккомпаниаторы заметно подустали, парень отдал мне гитару, поклонился слушателям и произнес: «Спасибо!» Просто «спасибо». Только не на нашем языке, не на том, на котором он пел эти замечательные, так полюбившиеся всем песни, а на своем родном. На РУССКОМ.

Теперь зал затих настороженно, не так, как в первый раз. Русскую речь в деревне нечасто можно было услышать еще в те годы, когда мы были союзной республикой, а я была самой молодой заслуженной артисткой этой республики... Шептались, шелестели около минуты – затем кто-то вновь захлопал, и седого певца вновь осыпали бурными аплодисментами. В конце концов ну что такого он сделал. Просто сказал «спасибо»?! Пусть по-русски.

Он снова поклонился и покинул сцену, я молча последовала за ним. Мы смешались с расходящейся публикой – кто-то одобрительно хлопал седого парня по плечу, некоторые смотрели настороженно, некоторые равнодушно. Даже не верилось, что еще несколько минут назад ему рукоплескало столько народу.

– Здравствуй, Расма! – услышала я за спиной. – Представь мне этого таинственного незнакомца...

О, как же я не разглядела его среди слушателей! Эдгар. И какие слова! Между прочим, за пределами нашего селения Эдгар на сегодняшний день куда более знаменит, чем я. Но на сегодняшнем празднике он рядовой слушатель. Таковы правила праздника Тающего льда. Эдгар играет на рояле, а рояль в народном оркестре Томаса не предусмотрен.

– Вальтер, это Эдгар Пргут, – довольно дерзко отозвалась я, представив его. Не таинственного незнакомца Эдгару, а совсем наоборот. – Между прочим, член местного союза композиторов.

Последнюю фразу я произнесла на русском. Все-таки наш язык давался парню с трудом. Пока что он умел только петь на нем.

– Вы русский? – оживился Эдгар, вскинув вверх тоненькие девичьи бровки и пожимая протянутую ладонь.

– Да, и зовут меня не Вальтер, а Валера... – проговорил седой и задал вопрос: – Вы композитор?

– Да, – передернул худыми плечами Эдгар. В голосе отчетливо зазвучало снисходительное равнодушие.

– Терпеть не могу такого тона!

– Занятные песенки исполняете, – тем же мерзким тоном продолжил Эдгар. – Кто их вам пишет?

– Я сам, – кивнул Валера.

Эдгар дернул уголками губ, но ничего не сказал.

С Валерой мы встретились несколько часов назад. Я только-только вернулась с «сатиновых» съемок из России. Поезд опоздал на полтора часа, а мне было так необходимо успеть на праздник. Машина остановилась не сразу. Это было не такси, просто попутная. Похоже, водитель даже не собирался останавливаться. Но потом сбросил скорость и сдал назад. Молодой, зубы железные, на заднем сиденье гитарный кофр. Я сразу поняла, что он русский.

– В Атт, пожалуйста, – устало произнесла я, усаживаясь рядом с кофром.

– В Ад? – неожиданно весело переспросил он, обнажив металлические коронки. – В Аду я уже побывал, девушка... Гиблое место, скажу я вам.

– В Каюрэйппуру-Атт, – уточнила я. Беседовать с этим веселым железнозубым юношей не было ни малейшего желания.

Гиблое место! Да я там родилась! Нашел тоже девушку тридцати девяти годков. Послать бы его куда подальше, но на чем тогда ехать?

– А, – догадался он, – это километров пятьдесят, не сворачивая, а потом будет такой дворец...

– Замок, – поправила его я. – А рядом мотель.

– Точно, рядом мотель, – вспомнил он, и мы тронулись с места.

Машину он вел лихо, явно не любитель. Как его сюда занесло?

Минут через двадцать пути он неожиданно остановил машину и резко повернулся ко мне. От выражения его лица мне стало немного не по себе.

– Послушайте, вы в 85-м в ДРА приезжали? – он произнес это даже не в форме вопроса, уверенно.

– Что?! – переспросила я. Какое, к чертям собачьим, ДРА, да еще в 85-м.

– Ну ДРА... Вы же артистка, правильно? В фильме «Второй батальон» вы же снимались? – и голос у него был почти умоляющий.

«Второй батальон». Ну конечно, я там снималась – это мой дебют в кино. Но насчет этого ДРА...

– Демократическая Республика Афганистан! – пояснил водитель, поняв мое замешательство.

Вот оно что! Точно, в 85-м мы возили туда «Второй батальон» на премьерный показ. А потом еще была одна памятная история, и я заработала первую седую прядь.

– Слушайте, вас ведь Римма зовут? – водитель заволновался.

– Расма, – поправила я.

– Расма... Вы ведь не очень спешите? – глаза и голос его были теперь откровенно умоляющими.

Конечно, я не очень спешу... И еще я хорошо знаю некоторые русские народные речевые обороты и прекрасно ими пользуюсь... Но другого транспорта не предвидится.

– Что вы хотите? – обреченно проговорила я.

– Я спою вам. Вы позволите? – Правая татуированная рука осторожно прикоснулась к кофру. Татуировка изображала что-то армейское – парашютик с крылышками и какие-то цифры.

Я обреченно кивнула. Ну встретил бывший солдатик бывшую популярную артистку бывшего государства. Сейчас начнется подзаборно-казарменная лирика с надрывом под старенькую расстроенную гитару...

Когда он закончил петь, я около минуты была в ступоре. Это было... Нет, словами такую музыку не перескажешь. И ведь пел-то не по-русски, а на нашем, родном. И гитара совсем не расстроенная. А голос... Нет, этого словами не передашь.

– Слушай! – я неожиданно для самой себя перешла на «ты». – Хочешь со мной на праздник? Прямо сейчас?

Вот теперь уже ошарашен был он. Однако утвердительно мотнул белой головой. Ну удивил, однако, солдатик.

Почти всю дорогу мы молчали...

– Что, уже улетаєте? А мы с бойцами вас так ждали...

Майор был высок, мощен телом и немного страшноват. Я с такими общаться не привыкла. Выгоревшая гимнастерка, такая же выгоревшая шапочка с козырьком, небритая, черная от загара физиономия. Солнце здесь активное, злое. И люди под стать.

– Опоздали, товарищ майор! – снисходительно проговорил сопровождающий из политотдела.

– А может, на полчаса к нам заедете? Прямо сейчас? – офицер заглянул мне в глаза. – А то ведь ждешь артистов месяцами, а тут... В аэропорт потом доставим! Машина надежная! – майор кивнул на свой броневик. – Ну как – туда и обратно?

– Наглец ты, майор! – произнес политотдельский. – Как Римма Людвиговна? – повернулся он ко мне. – Уважим гвардию?!

Они меня почему-то Риммой называли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.